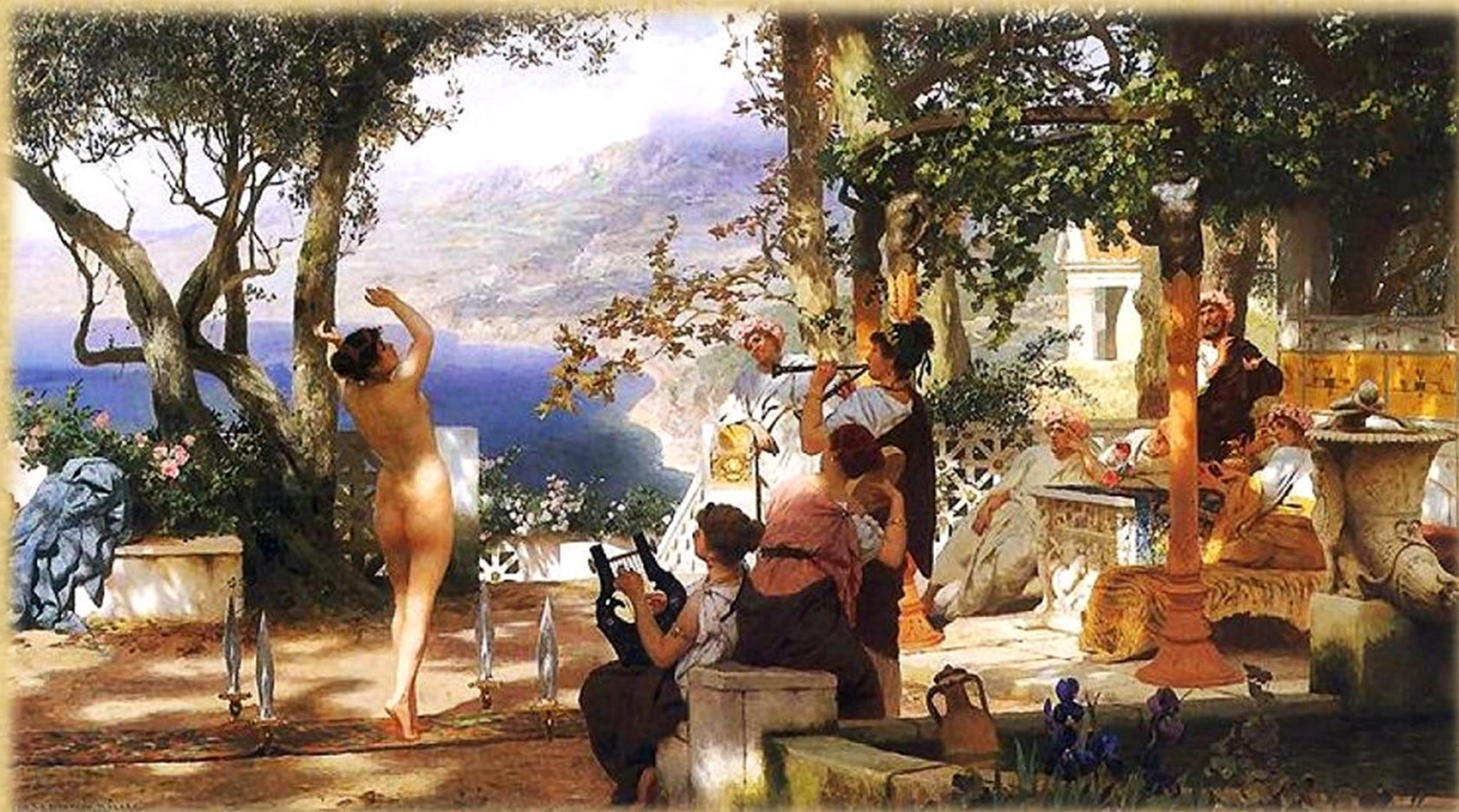

ГЕНРИХ СЕМИРАДСКИЙ – КРАСОТА И ЛЮБОВЬ

(1843-1902)

Семирадский — был самым «европейским» из российских художников второй половины XIX века, избравшим для сюжетов своих полотен библейские и античные темы, не проявлял никакого интереса к обыденной «правде жизни», за которую так ратовала вся современная ему художественная критика.

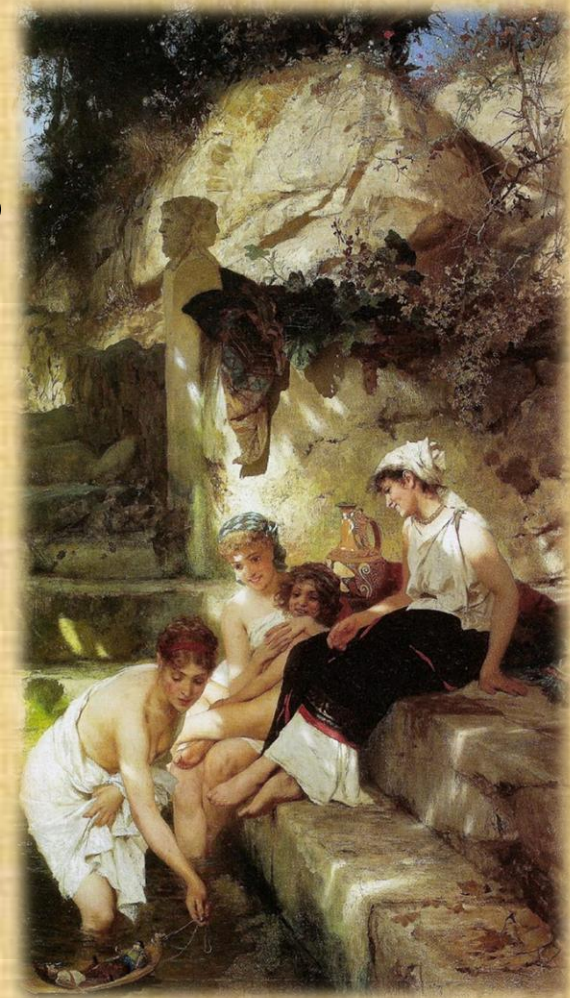
Семирадский был убеждён, что высшее творчество не может иметь ничего общего с «повседневной пошлостью» и должно воплощать в себе то, «чего в жизни никогда не было».

Главной темой творчества Семирадского оставались история и быт античности - эпохи с VIII в. до н.э. до III-IV в н.э., сосредоточенной вокруг исторических событий и судеб Древней Греции и Древнего Рима, объединившихся в I-II в. н.э. в составе римской империи.

Античная традиция воспринималась Семирадским, как и многими его современниками, как исток, основание европейской цивилизации. «Западную Европу по своему образу и подобию создал Рим» (Ф.И.Тютчев). Выбор Семирадским античной тематики позволил ему ощущать себя не поляком или русским, но европейцем в широком смысле слова, пить из источника всей европейской цивилизации, выращивать свое искусство из «корня западного мира».

Эта тема олицетворяла для него не только понятие красоты, но и понятие свободы. Люди на его полотнах не только красивы, они ведут себя и чувствуют как свободные люди.

Генрих Ипполитович Семирадский родился 24 октября 1843 года.

Его отец, польский дворянин Ипполит Семирадский, был выпускником военного училища в Варшаве и строил свою карьеру, служа русскому Императору на юге России – он был врачом. Мать вела хозяйство и воспитывала троих детей.

Ранние годы Генриха, его брата Михаила и сестры Марии прошли в небольшом местечке Ново-Белгороде Харьковской губернии. Семья была католической, дети воспитывались в национальном польском духе, а дом Семирадских был местом собрания местной польской интеллигенции.

Когда настало время отдавать детей на обучение, семья перебралась в Харьков.

В Харькове, Генрих поступил в гимназию, где встретил своего первого и главного учителя рисования – Дмитрия Ивановича Безперчия (1825 – 1913).

Ученик Карла Брюллова, Безперчий привил Семирадскому любовь к живописи. Под его влиянием сформировались вкусы и определились пристрастия Семирадского в искусстве — академический классицизм.

Отец не позволил сыну продолжить обучение живописи. В 1860 году, уступая его воле, Семирадский поступил в Харьковский университет на физико-математический факультет естественного отделения.

В 1864 он его окончил, получив звание кандидата физико-математических наук. После защиты диссертации на тему «Об инстинктах насекомых», Генрих сообщил родителям о желании ехать поступать в Императорскую Академию художеств.

К предмету своих университетских занятий Семирадский более не возвращался, но математический расчет в построении композиции, способность воспринимать мир через детали и подробности, острая наблюдательность впоследствии очень емугодились.

Он прибыл в Санкт-Петербург осенью того же года и сдал вступительные экзамены, поступив вольнослушателем с оплатой в 25 рублей годовых.

Так в стенах Академии художеств появился худенький тщедушный юноша, замкнутый и неуверенный в себе. Возможно, события в Польше – разгром царскими войсками польского восстания 1863–1864 годов – не давали Генриху чувствовать себя непринужденно среди русских учеников. К тому же уровень его образования был несравненно выше, чем у других учеников.

Скоро Семирадский выделился своими работами и по рекомендации ректора, Федора Бруни, год спустя он подал прошение о переводе в постоянные ученики: так он мог претендовать на Большую золотую медаль и пансионерскую поездку в Европу. Совет Академии удовлетворил прошение.

Его эскизы сепией «Сошествие Христа во ад» (1868), «Содом и Гомора» (1869), «Избиение младенцев» (1869) поразили преподавателей и соучеников незаурядностью исполнения, а главное - той легкостью, с какой начинающий художник компоновал сложнейшие многофигурные композиции.

По ранним эскизам видно, что Семирадский обладал даром художника-монументалиста, что было редкостью. Нечасто встречаются художники, чьи картины камерного формата можно увеличить во много раз без ущерба для изображения.

В сентябре 1868 года Семирадский был удостоен Малой золотой медали за программу «Диоген разбивающий чашу», что дало ему право участвовать в конкурсе на Большую золотую медаль – венец академического обучения и мечта всех учеников Академии.

На конкурс он представил картину "Доверие Александра Македонского к врачу Филиппу". В исполнении Семирадского работа была решена без излишней патетики и нарочитых поз, чувства главных героев художник передал пластическими средствами.

Доверие Александра Македонского врачу Филиппу. 1870 год.

Совет Академии и публика отнеслись к картине благосклонно, и 4 ноября 1870 года Семирадскому была присуждена Большая золотая медаль и звание классного художника I степени. Несмотря на волокиту с бумагами и недосданными в прошлом экзаменами, Совет Академии одобрил пансионерскую поездку на шесть лет, и в конце лета 1871 года Генрих Семирадский отправился в путешествие.

Вначале художник посетил польский Краков, отдав дань одному из величайших польских городов, а потом некоторое время жил в Мюнхене. Здесь он начал работу над картиной «Римская оргия блестящих времён цезаризма», сюжет которой был взят из романа «Сатирикон» Гая Петрония.

*Римская оргия блестящих времён цезаризма
1872 год.*

В картине впервые прозвучала тема театрального действия, которая станет одним из стойких мотивов творчества художника.

В 1872 году полотно было показано на выставке Мюнхенского художественного общества, а далее оно было отправлено на академическую выставку в Петербург.

На выставке картину приобрел великий князь Александр Александрович за 2000 рублей. Так Семирадский в лице наследника престола нашёл заказчика и покровителя, который в дальнейшем приобретал практически все масштабные полотна художника. Впоследствии коллекция великого князя станет ядром Русского музея. Продажа «Римской оргии» также решила все финансовые проблемы художника и позволила ему отправиться в Италию.

В апреле 1872 года Семирадский прибыл во Флоренцию. Однако, извержение вулкана Везувий внесло свои коррективы — Генрих отправился в Неаполь взглянуть на редкое проявление природных сил; после были Помпеи, остров Капри. Но Рим стал любовью всей жизни Семирадского.

Приехав в Рим, он снял мастерскую вблизи знаменитой Испанской лестницы — места постоя молодых натурщиц и натурщиков, удивительно красочных и нарядных. Здесь же шла бойкая торговля цветами. Их упоительный запах насыщал воздух, и все под римским солнцем выглядело для него, как сказка...

В 1873 году художник обвенчался со своей кузиной, молоденькой Марией Прушиньской. Чтобы жениться на близкой родственнице, Семирадскому понадобилось специальное разрешение. Их семейная жизнь оказалась очень счастливой. Эта провинциальная девушка оказалась доброй хозяйкой. Она сумела «свить в непривычном для нее Палаццо уютное семейное гнездышко» и родить Генриху Ипполитовичу дочь и троих сыновей.

В 1873 году он выставил в Академии свою «Грешницу».

Картина была написана на сюжет поэмы А.К. Толстого "Грешница". Толстой ярко и мастерски представил историю внезапного духовного перерождения прекрасной куртизанки, потрясенной силой и нравственной чистотой личности Христа.

Успех был огромный. Молодой художник получил безоговорочную поддержку широкой публики и первых лиц государства. Наследник-цесаревич приобрел картину за баснословную по тем временам сумму в десять тысяч рублей.

С первых же работ художника началось его противоборство с Товариществом передвижников. По мнению большинства представителей «читающей столичной публики» того времени, обласканным властью мог быть только лакей, а не свободный художник. Для демократически настроенного общества Семирадский пропал навсегда.

Больнее всех по Семирадскому прошелся Репин:

«Картина Семирадского блестящая картина, эффектно и красиво исполненная, но легковесная, альбомная вещь, хотя громадная по размеру.

Шарлатан в рисунке, шарлатан в колерах он, однако же, с таким умением воспользовался светотенью и блеском, что на первый раз поразил».

Следующий бурный натиск бывших однокашников Семирадскому пришлось выдержать с выходом его очередного большого полотна, посвященного первым христианским мученикам, которых Нерон привязывал к столбам в своем саду, обмазывал смолой и поджигал. Картина называлась «Свечки Христианства или Живые факелы Нерона».

Генрих Ипполитович работал над ней четыре года. Даже на вечерних прогулках, вырвавшись из студии, он неожиданно останавливался, раскрывал свою небольшую походную шкатулку, бросал на осколок старого мрамора лоскуток шелка или ставил металлическую безделушку и заносил в этюдник, наблюдая, как вечерний свет падает на предметы.».

Наконец, картина была окончена и выставлена в России. Официальный Петербург был в восторге. Семирадского удостоили звания профессора, признав, что: «вся его художественная деятельность приносит честь Академии художеств и русскому искусству».

«Светочей» превозносили и хвалили на все лады, но купить не смогли – слишком дорого! Генрих Ипполитович запросил за свое полотно сорок тысяч рублей! Что тут началось!

«За то, что человек ловок, смел и талантлив, сорок тысяч нельзя платить. Нужно ценить честность в деле, умение и выдержку, а талант Бог дает! Ведь после смелости и ловкости в живописи идет бессовестность и способность репку срывать... А какой он полячишко, так и говорить не стоит! Цена-то ему, как человеку, грош!».

Когда окончательно стало ясно, что картину не купят, Семирадский демонстративно подарил ее Национальному музею Кракова. Туда же, в Польшу, он отправил на выставку свою «Грешницу» с тем, чтобы доходы от ее демонстрации были направлены на помощь начинающим. Слава Семирадского достигла своего апогея. «Светочи Нерона» объехала всю Европу, завоевав Большую золотую медаль на Всемирной выставке в Париже, орден Почетного легиона, дипломы на звание члена от берлинской, стокгольмской и римской академий, флорентийская же академия оказала Генриху Ипполитовичу честь просьбой прислать ей собственной работы его портрет, для исторического собрания портретов знаменитых художников в галерее Уффици.

Его работами были украшены плафоны зданий в Петербурге, панно для филармонии Варшавы, театральные занавеси для Львова и Кракова.

В 1875 году Семирадский получил задание написать для Храма Христа Спасителя четыре картины на тему жития Св. Александра Невского. Позже он обратился и к евангельским сюжетам.

Эскизы Генриха Семирадского «Александр Невский принимает папских легатов», «Александр Невский в Орде», «Въезд Иисуса Христа в Иерусалим», «Крещение Господне», «Тайная вечеря» сейчас можно увидеть в Русском музее.

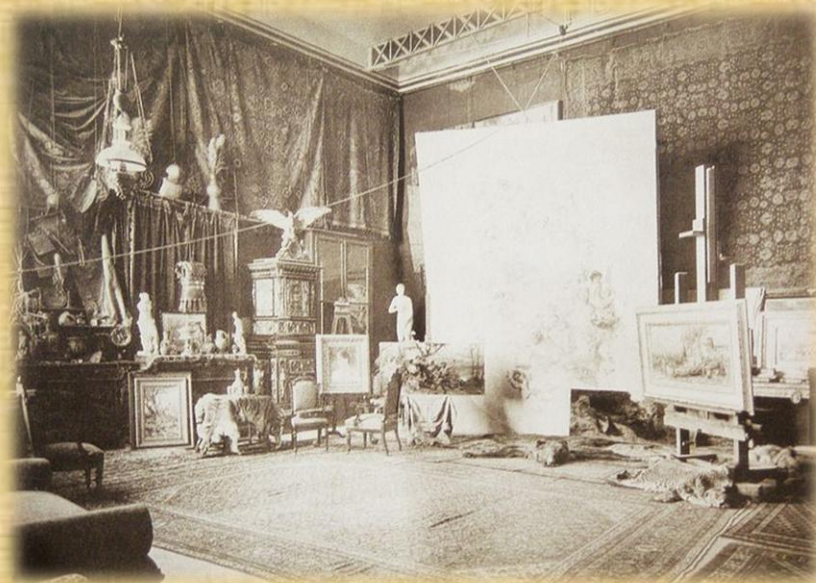
Эти фрески все, включая передвижников, сочли настоящим шедевром. Даже Репин не смог удержаться, хотя от своеобразной, но все же похвалы. «Семирадский – молодец. Конечно, его работы кривляющаяся и танцующая, даже в самых трагических местах, итальянщина, но его вещи хорошо написаны, – словом по живописи это единственный оазис в храме Спаса».

А в 1883 году он завершил постройку собственного дома в Риме - двухэтажной мраморной виллы в греко-римском стиле с двумя просторными мастерскими. Кроме картин их украшали мраморные и гипсовые барельефы, старинное оружие, ткани, шкуры диких животных. В мастерской на первом этаже вдоль стен стояли массивные дубовые шкафы с книгами, столы были завалены горами фотографий и гравюр.

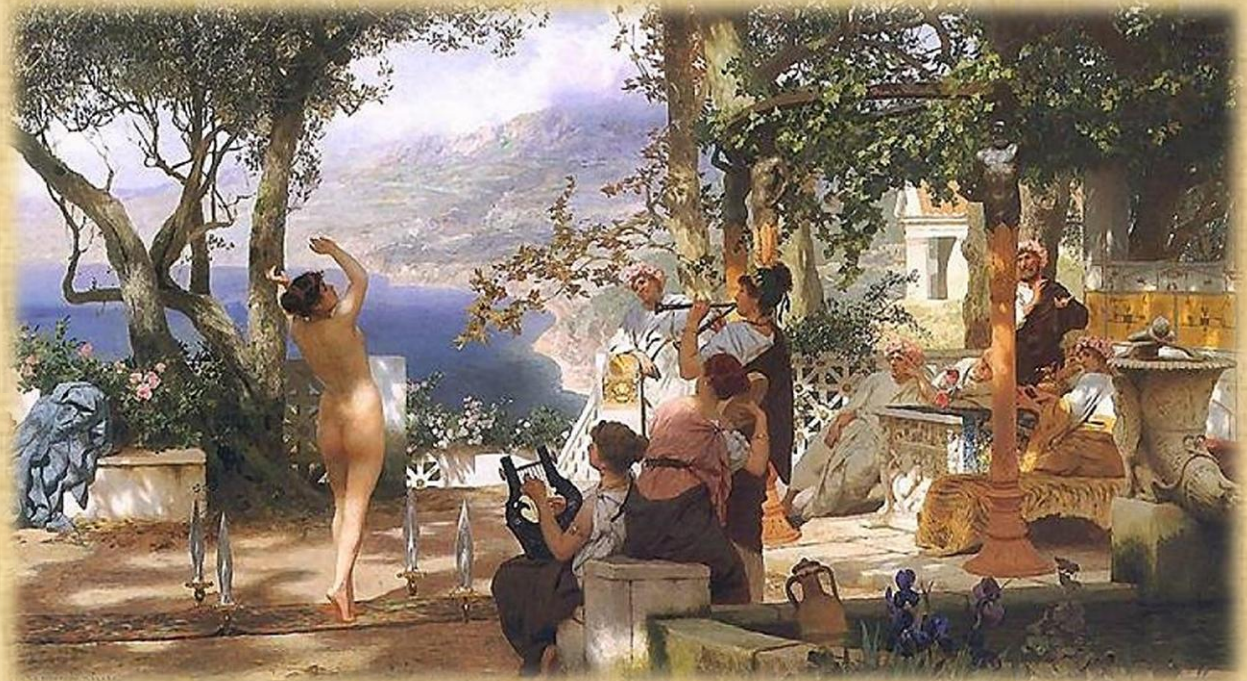

Дом был окружен просторным садом, полным редких экземпляров пальм, кактусов и других экзотических растений, посаженных и выращенных руками самого художника. Палаццо Семирадского на via Gaeta было для приезжавших в Рим любителей искусства и профессионалов одним из самых привлекательных.

В работе "Танец среди мечей" (1881) воплотились грёзы художника о красоте - красоте итальянского пейзажа, красоте и пластике женского обнаженного тела, красоте и экзотике восточного танца.

Семирадский, как сказочник, заставляет зрителя буквально своей кожей ощутить теплое дуновение легкого ветерка, вдохнуть аромат благоухающих роз, услышать давно забытую античную музыку.

"Только тот, кто собственными глазами смотрел на окрестности Рима и Неаполитанский залив, сумеет понять, сколько правды и души в этом пейзаже, в этой голубизне, в этом созвучии розовых и голубых цветов и в этой прозрачности дали. Если бы эта картина была только пейзажем, если бы ни одно человеческое существо не оживляло тишину и покой, - даже тогда она была бы шедевром».

Генрик Сенкевич

*«Есть тишина, которая сама
в нас действует. И ничего не надо
нам, кроме слуха чуткого и взгляда.
Лишь только умаление ума*

*и разрастанье сердца. Мир впервые
рождается и входит в грудь одну.
У ног Христа сидела так Мария,
чтоб слушать не слова, а тишину.*

*Ах, Марфа, Марфа, погоди немного --
Накормит Бог, и ты накормишь Бога...» Зинаида Миркина*

В 1886 году Генрих Семирадский закончил работу над полотном «Христос у Марфы и Марии».

Вопреки всей западной традиции, он расставляет акценты совершенно по-русски. На первом плане Мария, думающая о вечном, и только где-то вдалеке, прописанная хуже, чем пейзаж, Марфа.

Несколько картин, созданных после «Христа» и посвященных тишине и покою монашеской жизни, не вызвали большого эмоционального отклика ни у публики, ни у самого художника. Тем радостнее было возвращение к традиционной для Семирадского эллинской тематике в картине «Фрина на празднике Посейдона в Элевзине».

Зимой 1889 года «Фрина» предстала перед зрителями Санкт-Петербурга.

Художник писал: «Давно я мечтал о сюжете из жизни греков, дающем возможность вложить как можно больше классической красоты в ее представление. В этом сюжете я нашел громадный материал!

Солнце, море, архитектура, женская красота и немой восторг греков при виде красивейшей женщины своего времени, — восторг народа-художника, ни в чем не похожий на современный цинизм обожателей кокоток...»

Многие работы Семирадского – суть «вещи». Постепенно становится понятно, что это искусство нужно судить по другим критериям, воспринимать с других позиций.

Картины Семирадского в золоченых рамах – это прекрасное дополнение интерьера дворцов и особняков, куда они легко, бесконфликтно вписываются.

У этих картин свои критерии качества. С точки зрения «высокого» искусства картины Семирадского чересчур пестры и легковесны.

Но с точки зрения их «вещной» ценности – они безупречны. Он действительно мастер.

Восхищают его дар декоратора, мастерство композиции, талант рисовальщика, умение с иллюзорной точностью воспроизводить фактуру тканей, блеск оружия, позеленевший старый мрамор римских гробниц...

Начинался XX век. Многочисленные художественные направления сменяли друг друга. Менялась и жизнь художника. Семирадский реже радовал своих зрителей работами.

С осени 1901 года Семирадский страдал чрезвычайно мучительным недугом — раком языка. Лето 1902 года выдалось в Риме жарким, больного художника было решено перевезти на родину в Польшу.

20 августа 1902 года датировано его завещание, в котором он оставлял супруге имение Стшалково, дом в окрестностях Варшавы и дом в Риме со всем имуществом и произведениями искусства (всё состояние художника оценивалось в 400 тыс. руб., а каждому из детей — по 60 тыс. руб.).

Умирая, слабеющей рукой (рак языка лишил его возможности говорить) он написал: «Если бы случилось чудо, и Господь даровал мне еще немного времени, то я хотел бы пожить для семьи».

Он скончался 23 августа 1902 года в имении Стшалково и был погребён в Варшаве рядом с могилами отца и матери.

"Ступени катафалка утопали в цветах, лаврах и венках. Под музыку великого Шопена с Семирадским прощалась вся Варшава.

Однако 26 сентября 1903 года его прах был перенесён в Краков, в Крипту заслуженных в церкви святого Станислава.

